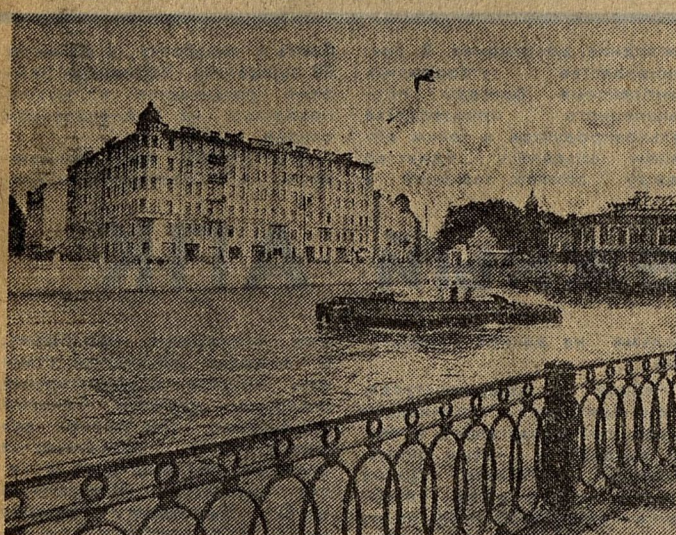

9 СЕН 1984

СМЕНА
г. Ленинград

СМЕНА

Дом на Ждановке

ТА ЧАСТЬ Петроградской стороны, где поселился в 1923 году, вернувшись на Родину, Алексей Николаевич Толстой, была тогда тихой и спокойной. Из окон квартиры писателя на Ждановской набережной были видны Петровский остров с огромным парком, небольшая речка Ждановка, деревянный Тучков мост через Неву... На восточной оконечности Петровского острова, там, где сейчас стадион имени Владимира Ильича Ленина, на пустыре росло несколько небольших чахлах деревьев. Стадион строился уже на глазах Толстого. «Днем, в будни, когда пустеет стадион... — писал Алексей Николаевич в рассказе «Василий Сучков, — на острове тихо, поют птицы. Пасется несколько коз».

Дом 3/1 по Ждановской набережной, на углу бывшего Малого проспекта (ныне проспект Щорса), в котором Толстой с семьей прожил пять лет, с тех пор внешне почти не изменился. Шестиэтажный, увенчанный угловой башенкой, он строился в 1911—1913 годах по проекту Иосифа Демирелли. В 1983 году, к столетию со дня рождения Толстого, на фасаде здания установлена мемориальная доска.

Квартира писателя находилась на четвертом этаже. Нашел ее для Толстого, еще до его приезда в Петроград, Вениамин Белкин — талантливый живописец и график, давний знакомый писателя, живший в этом же доме. В те годы Белкин выполнял заказы ряда ленинградских издательств по оформлению книг, в частности, в 1924 году иллюстрировал книжку Толстого в стихах для детей под названием «Кот, сметанный рот», выпущенную издательством «Брокгауз и Ефрон». Работы Белкина не раз экспонировались как в Ленинграде, так и за рубежом.

МНОГОЕ ПРИШЛОСЬ пережить и передумать Толстому за четыре года, прошедших на чужбине. «Жизнь в эмиграции, — писал он впоследствии, — была самым тяжелым периодом моей жизни. Там я понял, что значит быть парием, человеком, оторванным от Родины, невесомым, бесплодным, ненужным никому, ни при каких обстоятельствах».

...Каждый день приносил писателю новые впечатления и встречи. Сравнительно недавно отгремела гражданская война. Преодолевая все трудности, молодая Советская страна строила новую жизнь, и Толстой стремился как можно глубже узнать эту новую Россию. Так, уже в октябре 1923 года Алексей Николаевич побывал на строительстве Волховской гидроэлектростанции, сооружавшейся по ленинскому плану ГОЭЛРО, и 7 ноября 1923 года, в день празднования шестой годовщины Великого Октября, в газете «Петроградская правда» был напечатан его очерк «Волховстрой», в котором есть такие строки: «Глядишь и думаешь: это — огни того, что идет. Россия начала строить. Слова облеклись в плоть. Буря, страдания, пафос, гнев, бедствия прошедших лет загорелись первыми вещественными огнями Строительства».

Поселившись на Ждановской набережной, Толстой, по словам Корнея Ивановича Чуковского, «впрягся в работу, не давая себе никакой передышки». Его сразу же стали широко печатать различные ленинградские издания. Уже в первом номере основанного в 1924 году журнала «Звезда» был помещен рассказ «Парижские олеографии», в февральской книжке увидела свет его пьеса «Бунт машин». Затем в журнале «Ленинград» была напечатана его заметка «О Пушкине»... После Великой Октябрьской революции в литературе появились много новых имен, ранее неизвестных Толстому: Николай Тихонов, Константин Федин и дру-

гие. Для того, чтобы сблизиться с молодыми ленинградскими литераторами, Толстой однажды устроил у себя в квартире чтение глав тогда еще не оконченного романа Федина «Города и годы». Читать должен был сам автор, но сначала собравшиеся были приглашены к обеду. Один из присутствовавших — писатель Николай Никитин впоследствии рассказывал:

«Здесь, на Ждановке, за скромнейшей «сервировкой», если так можно сказать о щербатых тарелках и простых железных вилках, состоялся «литературный» обед Толстого. На первое были поданы щи, а на второе — вареное мясо из этих же щей, только с хреном.

Толстой как будто немножко стеснялся и в то же время радушно угощал нас этим блюдом, весело приговаривая: — Это великолепно, уверяю вас... Французы это очень любят... Это «бэф буи»...

Но сколько было радости после обеда, когда началось чтение «Городов». Толстой с дружеской и легкой простотой вошел в нашу среду. Тоже молодой, будто и он только что начинает печататься...».

С этого дня завязалась большая личная дружба Толстого с Фединым. Тогда же здесь присутствовал и крупнейший советский историк и литературовед Павел Щеголев, автор многих известных исследований о Пушкине, декабристах, Лермонтове, редактор журнала «Былое», посвященного истории русского освободительного движения, не раз побывавший за революционную работу в царских тюрьмах и ссылках. Щеголев стал одним из ближайших друзей Толстого и его соавтором в ряде исторических пьес. В 1925 году они вместе работали над драматической поэмой «Полина Гебль», сюжет которой впоследствии лег в основу либретто оперы Юрия Шапорина «Декабристы». «Мне доводилось слышать не раз, — рассказывает один из современников, — как оба они, то есть Толстой и Щеголев, беседовали друг с другом... и Щеголев-историк помогал Толстому-романисту во многом».

У Толстого бывали артисты Московского художественного театра Василий Качалов, Иван Москвин и другие. Сюда нередко приходил молодой Ираклий Андроников, уже тогда восхищавший всех, кто его знал, своей разносторонней талантливостью. Толстой был дружен с рядом крупнейших советских ученых, среди них — академик Петр Петрович Лазарев, выдающийся советский физик, много работавший в области геофизики и биофизики, постоянно навещавший писателя во время приездов из Москвы.

С ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЫ связаны многие страницы произведений Толстого. На Каменноостровском (ныне — Кировском) проспекте жили Телегин и Даша — герои трилогии «Хождение по мукам», над первым романом которой — «Сестры» — он начал работать еще в 1919 году. В начале XX века проспект был застроен доходными домами нового типа, не похожими на мрачные трущобы, о которых писал Достоевский. С оригинальными фасадами, как правило, облицованными керамикой и гранитом, они воспринимались тогда как чудо ком-

форта. В них обычно селились крупная буржуазия, купцы, биржевые дельцы. Описание одного из таких домов Толстой дал в романе «Егор Абзов»: «В конце Каменноостровского стоял пятиэтажный новый, очень дорогой дом, с башнями, выступами, фонарями, множеством крыш и перекрытий, обложенный на углах изразцом, опоясанный мозаиками и арабесками. Это был дом, как городок, со своей станцией, гаражами, конюшнями, сложным управлением и хранителем у главного подъезда... В одном из таких домов, в конце Каменноостровского проспекта, на пятом этаже, в квартире окнами на Каменный остров, и поселил писатель Телегина и Дашу.

На улице Красных зорь, как стал называться Каменноостровский проспект после революции (название Кировский он получил позже), начинается действие романа «Аэлита», опубликованного в 1923 году. Когда-то нарядная и оживленная, эта улица в период гражданской войны и разрухи представляла печальное зрелище. «Окна многоэтажных домов, иные разбитые, иные заколоченные досками, — пишет Толстой, — казались нежилыми — ни одна голова не выглядывала на улицу». Но вот тут — странное объявление приглашающее совершить космическое путешествие: «Инженер М. С. Лось приглашает желающих лететь с ним 18 августа на планету Марс вступить для личных переговоров от 6 до 8 вечера. Ждановская набережная, дом 11, во дворе».

Дом № 11 — четырехэтажный, с лепными украшениями над окнами, стоял в глубине пустыря, простиравшегося до реки Ждановки. В первом этаже здесь когда-то размещался моторный класс авиационной военно-технической школы, находившейся неподалеку, а во дворе на учебном стенде будущие мотористы учились работать с авиационными двигателями. Об этом доме и идет речь в «Аэлите». Интересно, что дом сохранился до наших дней, его современный адрес — Ждановская набережная, 11-а, но сейчас его закрывает огромное здание, построенное в 1950-е годы (оно и имеет № 11), и для того, чтобы увидеть «дом инженера Лося», нужно войти под арку этого нового здания... А пустырь, простиравшийся от дома № 11 до Ждановки, писатель сделал стартовой площадкой космического корабля: «На пустыре перед мастерской Лося стал собираться народ. Шли с набережной, бежали со стороны Петровского острова...»

В доме на Ждановке Толстой в 1925 году приступил к работе над научно-фантастическим романом «Гиперболоид инженера Гарина». В двадцатые годы, когда стали особенно стремительно развиваться наука и техника и их достижения порой ошеломляли своей фантастичностью и огромными возможностями, многих прогрессивных писателей и ученых все больше тревожил вопрос о судьбе научного открытия в современном мире: в чьи руки оно попадет? Думали о совершенной особой ответственности ученого не только перед современниками, но и перед последующими поколениями. Еще в рассказе «Союз пяти», впервые опубликованном в 1925 году под названием «Семь дней, в которые был ограблен мир», Толстой изобразил крупнейших представителей американского капитала, стремившихся использовать достижения науки для захвата власти над всем миром. Дальнейшее развитие эта тема и получила в «Гиперболоиде инженера Гарина». В бредовых замыслах героя романа угадываются идеи зарождавшегося в Европе фашизма. Инженер Гарин живет на Петроградской стороне, дом его стоит на пустыре, за дощатым забором, «на одной из глухих улиц». Названия улиц, островов, набережных можно встретить на многих страницах романа: Пушкинская, река Крестовка и т. д. На Крестовском острове, недалеко от Ждановской набережной, на заброшенной даче в «чахлах березовом леску» был убит двойник Гарина.

В мае 1928 года Толстой с семьей переехал из дома на Ждановской набережной в Детское Село...

Г. БУНАТЯН,
М. ПОЛЯНСКАЯ,
сотрудники Ленинградского городского бюро экскурсий